

Абрам Кузьмич

Новопольцев.

Сказочник из

Ясашного

Помряскино

Ставропольского

уезда.

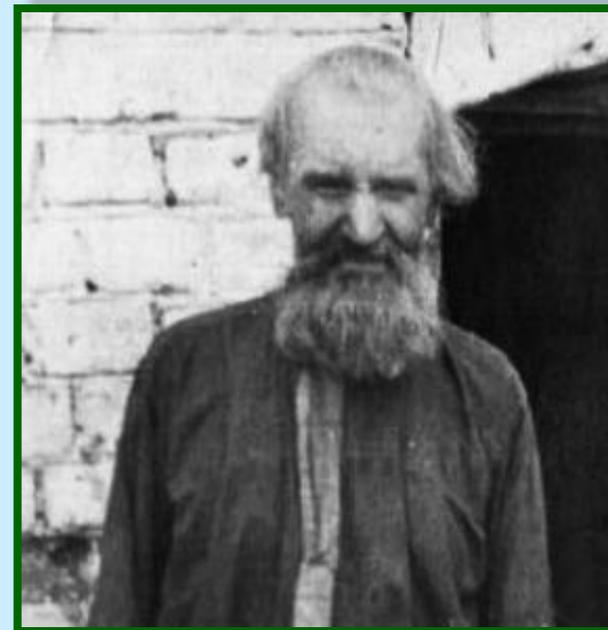
АБРАМ НОВОПОЛЬЦЕВ

НОВОПОЛЬЦЕВУ принадлежит одно из первых мест в галлерее мастеров русской сказки; по количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству своего репертуара он занимает бесспорно первое место. От него записано 72 текста; некоторые из них являются только короткими рассказчиками-анекдотами или легендами, но в основном, его тексты очень значительны по своему объему; вместе с тем его репертуар крайне разнообразен: здесь и волшебная сказка и сказки-новеллы, и сказки о животных, народные анекдоты и легендарные предания, местные предания и т. п.

Но облик самого Абрама Новопольцева представляется весьма неясным и даже несколько интригующим. О нем не сохранилось ровно никаких сведений. Записи его сказок были сделаны в 70-х годах прошлого века известным собирателем-фольклористом Д. Н. Садощниковым. К сожалению, собиратель скончался, не успев привести в порядок и обработать собранные им материалы. Сборник вышел в свет уже после его смерти; сведения же о самом сказочнике, которые он предполагал предшествовать собранью текстов, так и остались неопубликованными и позже затерялись.

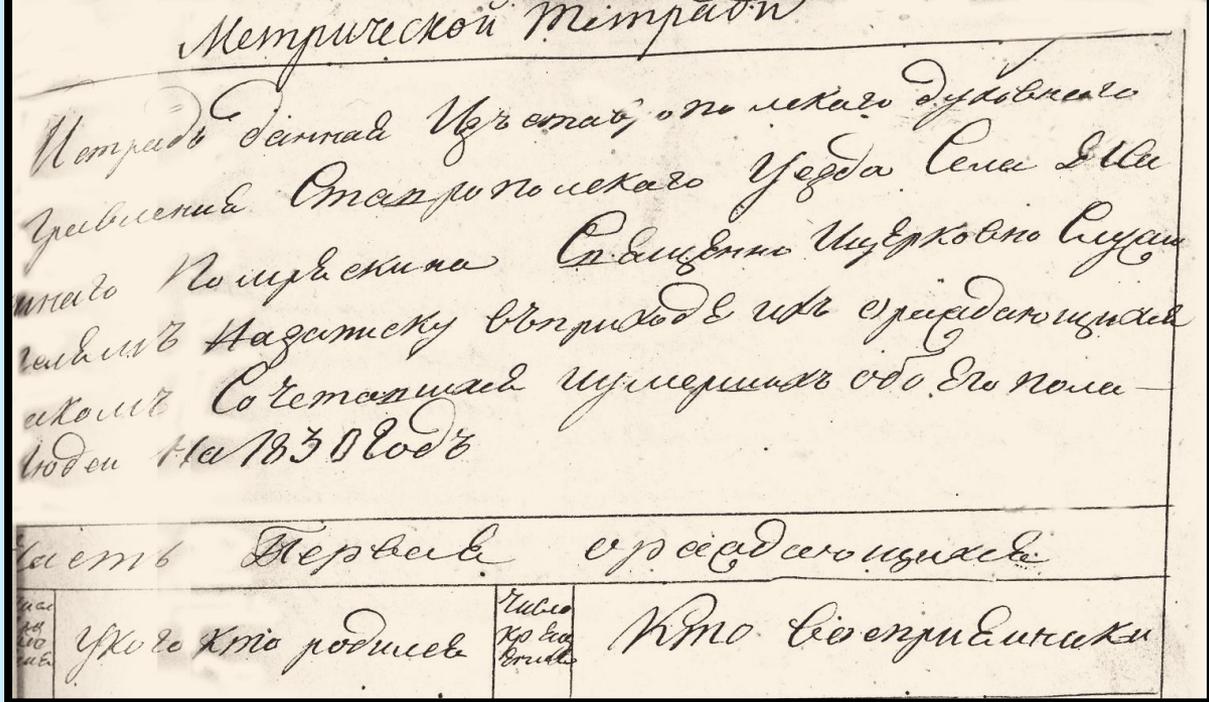
Мы знаем об А. Новопольцеве, что он крестьянин

Русский крестьянин

По воспоминаниям современников, А.К. Новопольцев был высоким, широкоплечим стариком. Любил побалагурить и рассказывать сказки, чем и прославился на всю округу.

Аврамий Кузьмич Новопольцев (1830-1886), с. Ясашное Помряскино Ставропольского уезда Симбирской губернии. Сказитель, сказочник.

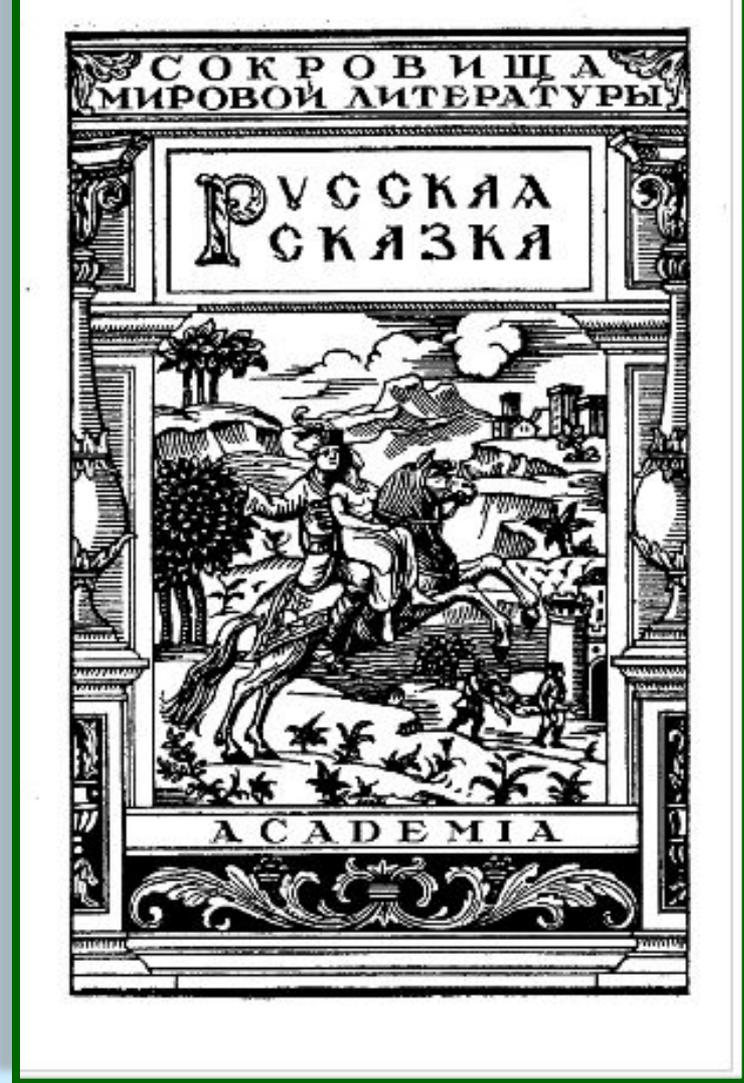
Метрическая книга Покровской церкви села Ясашное Помряскино за 1830 г.

Аврамий Новопольцев родился в семье ясашного крестьянина Кузьмы Ивановича Новопольца, служил пастухом. Был женат, имел четырех сыновей

**Покровская церковь в с.Ясашное
Помряскино. 1772 г. Акварель**

Преобладающими в репертуаре А.К. Новопольцева являются волшебные сказки, представленные в записях Д.Н.Садовникова в количестве 25 текстов. Характерным для Новопольцева тяготением к необычному определяется наличие в его репертуаре сравнительно большого количества легенд 12 текстов. Самостоятельную группу в репертуаре сказочника составляют острые бытовые сказки, близкие к анекдоту (7 текстов), в которых Новопольцев выступает как сатирик, умеющий уничтожающе высмеять своих классовых врагов. Особо в репертуаре Новопольцева стоят рассказанные им с тонким юмором сказки о животных, явно рассчитанные на детскую аудиторию.

В 1932 году известный фольклорист М.К. Азадовский издал книгу «Русская сказка», рассказывающую об устном народном творчестве Абрама Новопольцева.

**Марк Константинович Азадовский
(1888-1954) - фольклорист,
литературовед и этнограф.**

Заставка в книге М.Азадовского «Русская сказка»

села Помирельсина, Ставропольского уезда, Самарской губернии. И это все. Да сам он эскизно зачертил себя в одной из своих сказок — в сказке о «спящей девице», в которой он сочитал два сюжета: «смертной царевны» и «золотистой жены». Традиционное в сюжете последней появление переодетой в мужское платье ослепетавшей дочери (уже ставшей царской женой), рассказывающей свою историю и избивающей клеветников, он передает следующим образом: «Восходит молодец: «Мир вам гостям на беседе». — «Просим милости, добрый молодец». — «Что вы сидите, водку пьете, а ничего не говорите? Должно-быть вы спать хотите? Поднесите воточки стакан — и шуточки пошутите!» Они спрашивают: «А ты чей такой?» — «А вот я, из Помирельсина сказывающий».

В этой беглой зарисовке все же как будто можно угадать основные черты волжского мастера. Это знакомый тип сказителей-балатуров, неизменных участников «веселых бесед», любимых членов артелей, тип сказочника-увеселителя, как называют его некоторые исследователи. Его стиль вполне соответствует такому беглому погрешию. Сказительское мастерство Новопольца обнаруживается не столько в психологической или социальной творческой переработке основных элементов сказки, сколько в ее внешне-формальной стороне. Основная нитка его — рифмовка, которая является одним из типичнейших приемов этого балатурного стиля. Это стремление к рифмовке распространяется почти на все части его сказок, у него зарифмованы зачины, концовки, типичные сказочные формулы и даже описательные места и некоторые части диалогов. Примеры — в кробалли дает приводимая здесь сказка об Иване-Царевиче и Марье-Красе, с ее замечательными зачинами. Иногда у него даже встречаются небольшие тексты, уже почти сплошь зарифмованные, напр. «байка про дегерела».¹

¹ Вот отрывок: «... в снегу ножку почепал, по утру рано вставал, по вольному свету полетал, громко шибко покричал, товарищев поискал. Спустился на землю, свиделся с товарищем. Они тут поиграли, посом из ногу слонну принимали, по кусточкам бродили, местечко испити, грездышно свизали, кичушко сносили, дегушек выплывали...»

В связи с последним вопросом, т. е. вопросом о периформировании, стоит и вопрос об исконном тексте. Как будто при такой постановке вопроса подразумевается существование какого-то определенного, исконного текста, претерпевшего в дальнейшем различные трансформации. В действительности, поскольку дело касается устной традиции, едва ли может идти речь о каком-нибудь твердом протексте. Речь может идти только о более древних текстах по сравнению с более поздними и новейшими. Ибо, вероятно, с самого начала одна и та же сказочный сюжет существовал в нескольких редакциях.

Обычно считают древнейшей формой сказку фантастическую, волшебную. Фантастическую сказку, передающую и соблюдение всей системы сказочной образности, именуют классической, и сказителей, обладающих в своем репертуаре большим запасом волшебных сказок и рассказывающих их с соблюдением этой образности, называют классиками, иногда — эпитимами.

Но, несомненно, что наряду с волшебно-фантастической (или также богатырской, т. е. сказкой о богатырях) существовали с очень же давнего времени и сказки-новеллы, существовали также сатиры-сатиры, и уже очень рано начало складываться взаимодействие этих элементов. И наряду с классическим стилем очень рано начал складываться тип рассказа шуточного, острого, с определенной юмористической или сатирической установкой, — стиль, обычно называемый исследователями балатурным, получивший свою формулку в скромной среде. Ярким представителем такого направления в русской сказке является знаменитый волжский сказитель, Абрам Новополец. Модернизованная его форма представлена современной воронежской старательницей Барышниковой (Купрянковой).

Классический тип сказок в его чистом виде довольно редок. Более всего образцов такого рода мы находим в сборнике Афанасьева. Но, в очень многих случаях, есть опасение, что мы имеем дело с текстом выразительным, подведенным под определенный стиль. Такое стремление дать «подлинный текст», создать как бы своего рода «чистую культуру» — весьма характерно для начала науки об устной народной словесности. Оно характерно не только для Афанасьева, но и для самых основоположников мировой фольклористики, ботаника Раткина.

Из книги М.Азадовского: «Новопольцеву принадлежит одно из первых мест в галерее мастеров русской сказки; по количеству же и разнообразию записанных от него текстов, по богатству своего репертуара он занимает бесспорно первое место. От него записано 72 текста; некоторые из них являются только короткими рассказчиками-анекдотами или легендами, но в основном, его тексты очень значительны по своему объему; вместе с тем его репертуар крайне разнообразен: здесь и волшебная сказка и сказки-новеллы, и сказки о животных, народные анекдоты и легендарные предания, местные предания»

Из книги М.К. Азадовского:

А. Новопольцев эскизно зачертил себя в одной из своих сказок - в сказке о «спящей девице», в которой он сочетал два сюжета:

«мертвой царевны» и «оклеветанной жены».

Они спрашивают: «А ты чей такой?» -

«А вот я, из Помряскино сказывальщик».

Сказительское мастерство Новопольцева обнаруживается не столько в психологической или социальной творческой переработке основных элементов сказки, сколько в ее внешне формальной стороне. Основная манера его — рифмовка, которая является одним из типичнейших приемов этого балагурного стиля. Это стремление к рифмовке распространяется почти на все части его сказок, у него зарифмованы зачины, концовки, типические, сказочные формулы и даже описательные места и некоторые части диалогов.

в землю даривали». В таком же плане, таким же методом изображение горькой участи сирот: «Ванюшка и Анпушка плачут и рыдают, свою мамоньку вспоминают. А вот же не родная ее мать — надмывает ее...» и т. д. В результате — типичнейшая, трогательно-сентиментальная сказка в изложении Новопольцева совершенно утрачивает свой обычный характер.

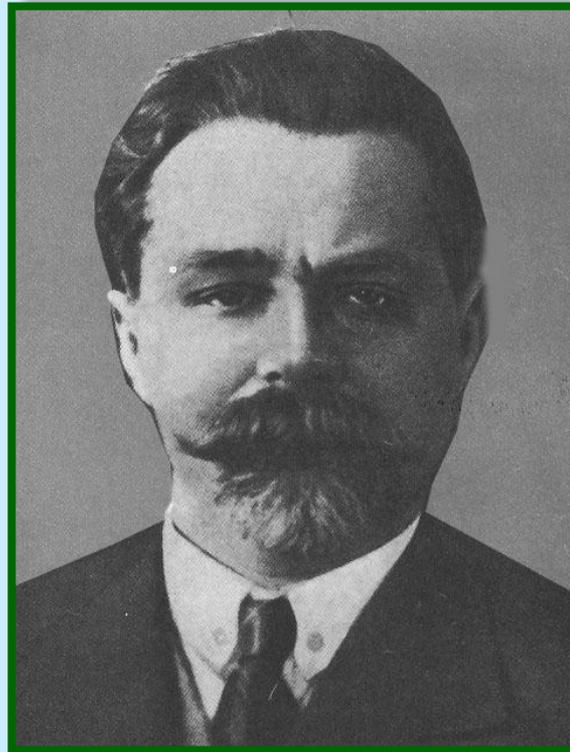
Так определяется основной интерес и художественный метод А. Новопольцева и его своеобразное место в русской сказке. Соответственно этому и основной жанр его, где с наибольшей силой проявляется его мастерство — новеллистически бытовой, в плане которого он передает и волшебную сказку. Поэтому А. Новопольцева можно считать — как это уже неоднократно высказывалось в литературе — типичным представителем наследия скomoroxов. Н. Л. Бродский указал, что у него даже сохранились некоторые типичные скomoroxий формулы. Такова, напр., концовка: «... а нам молодцам по стаканчику пшца»... и т. д. (сл. № 5). Упоминание о молодцах и устах Новопольцева, в едином числе склдывавшего сказку, ясно указывает на застывшую, традиционную приработку — формулу скomoroxов.

Эту унаследованную скomoroxий манеру Новопольцев развили дальше и перестроил в этом плане почти все сказки, которые он где-либо выслушал. Но перестройка им сказок затронуло, главным образом, формальную сторону. Реалистическая стихия хотя и пробивается кое-где, но ни разу не достигает такой силы и высоты, как у других сказочников, реалистов по преимуществу (П. Богданов, А. Ломтев, Н. Винокурова и др.).

Слабо отражены у него и черты местного быта, хотя река Волга довольно часто фигурирует в его сказках. Зато совершенно неподражаемы у него неоднократно вводимые им в рассказ кабарки и трактирные сцены. Здесь как будто сказочник чувствует себя в родной и близкой сфере и недаром он зачертил себя веселым молодцом, любящим «шуточки пошутить». Несколько угадываешь за этим одного из представителей крестьянской богемы, какого-нибудь безземельного (или малоземельного) крестьянина, считающегося по разным селам и являющегося желанным гостем шутных «дер...

**Соколов Борис Матвеевич
(1889-1930) – этнограф-
фольклорист, музеевед**

**Юрий Матвеевич Соколов
(1889-1941), литературовед,
этнограф**

**Братья Соколовы изучали творческое наследие
Абрама Новопольцева**

Учебник Ю.М.Соколова
«Русский фольклор»

Из книги М.К. Азадовского:

Ю. М. Соколов в своей книге о русской сказке относит Новопольцева к типу сказителей-эпиков это – несомненная ошибка.

У Новопольцева - явное и резкое переформирование волшебной сказки. «Серьезная» волшебная сказка, как ее дают Чупров или Семенов, в его изложения приобретает совершенно иную установку. Он вносит разнообразные «потешные элементы», среди которых первое место занимает и «потешная, балагурная рифмовка», и таким путем придает новый вид и смысл сюжету. В волшебных сказках, где развитие действия ведет к нагромождению событий и где внимание слушателей приковано к тем или иным перипетиям судьб героев, Новопольцев врывающейся потешной рифмической характеристикой или каким-нибудь другим аналогичным приемом резко меняет тон и направленность сказки.

Садовников Дмитрий Николаевич (1847-1883) русский поэт, фольклорист и этнограф. Зять помещика К.Д. Лазарева, владельца с. Новиковка Ставропольского уезда. Записал 72 текста А.К. Новопольцева

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Помѣщенный въ XII-мъ томѣ Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сборникъ сказокъ и преданій Самарскаго края составленъ Дм. Н. Садовниковымъ, уже известнымъ въ нашей этнографической литературѣ изданнымъ имъ въ 1876 году большимъ собраніемъ русскихъ народныхъ загадокъ. Въ глубокому нашему сожалѣнію, даровитому собирателю не суждено было дожить до выхода въ свѣтъ его замѣчательнаго труда: 19-го декабря 1883 года Дмитрій Николаевичъ скончался отъ тяжкой болѣзни въ Петербургѣ.

По причинѣ кончины собирателя трудъ его является въ свѣтъ не совсѣмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ предполагалъ его издать; а именно—тексту сказокъ не предпослано введенія, въ которомъ Дмитрій Николаевичъ намѣревался изложить свѣдѣнія о сказочникахъ, сообщившихъ ему сказки, а въ концѣ сборника не приложено указателя эпическихъ мотивовъ, который имѣлъ въ виду составить покойный, и въ который онъ намѣревался внести указаніе параллелей между текстами настоящаго сборника и другихъ собраній русскихъ народныхъ сказокъ.

Хотя сборникъ озаглавленъ «Сказки и преданія Самарскаго края», однако огромное большинство помѣщенныхъ въ немъ разказовъ по содержанию своему не имѣетъ мѣстнаго характера; такимъ образомъ заглавіе указываетъ только на ту область въ предѣлахъ которой записаны эти сказки и преданія. Кроме

того должно замѣтить, что подъ названіемъ Самарскаго края собиратель разумѣлъ здѣсь не одну Самарскую губернію, но и лежащую противъ нея на правомъ берегу Волги Симбирскую.

Всѣхъ разказовъ помѣщено въ сборникѣ 183, но такъ какъ многие изъ нихъ относятся къ одному предмету, то они были сгруппированы по содержанию и подведены подъ общія заглавія: вслѣдствіе того число заглавій не превышаетъ 124. Лично, отъ котораго Дм. Н. Садовниковъ записалъ наибольшее число разказовъ—72 ¹⁾, причѣмъ самаго разнообразнаго содержанія, былъ Абрамъ Новопольцевъ, крестьянинъ с. Помраськина, Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи; объ этомъ замѣчательномъ сказочникѣ покойный собиратель имѣлъ намѣреніе сообщить обстоятельныя свѣдѣнія во введеніи къ своему сборнику; утрата этихъ сообщеній тѣмъ прискорбнѣе, что въ нашей этнографической литературѣ до сихъ поръ вовсе нѣтъ свѣдѣній о сказочникахъ, между тѣмъ какъ имѣются нѣкоторые замѣтки о сказателяхъ былинъ, пѣвцахъ духовныхъ стиховъ и причитальщицахъ. Загѣмъ 11 разказовъ записано было Дм. Н. Садовниковымъ отъ симбирскаго мѣщанина Петра Степановича Полуехтова ²⁾; 6—отъ А. В. Чегодаева въ Симбирскѣ ³⁾; 5—отъ Василія Авдѣева въ с. Новиковкѣ, Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи ⁴⁾; 4—отъ симбирской мѣщанки Елены Степановны Смирновой ⁵⁾; 3—отъ Г. Н. Потанина въ Симбирскѣ ⁶⁾; 3—отъ дворянина Алексѣя тамъ же ⁷⁾; 2—отъ воротника Алексѣя съ Озерки, Ставропольскаго уѣзда Са-

Предисловие к книге Д.Н. Садовникова

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДѢЛЕНІЮ ЭТНОГРАФІИ.
Томъ XII.

СКАЗКИ И ПРЕДАНІЯ
САМАРСКАГО КРАЯ

СОВРАНЫ И ЗАПИСАНЫ

Д. Н. Садовниковымъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

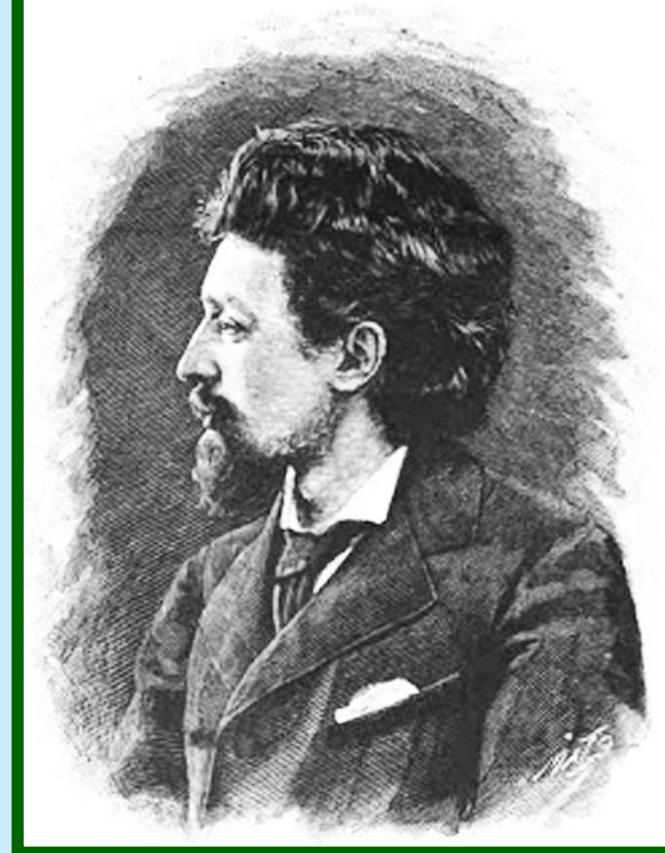
УЧЕНОЕ ОБЩЕСТВО ВЪСТРАННЕКУ ДѢЛЪ.

1884.

26889

Digitized by Google

В сборнике
Д.Н. Садовникова -
25 сказок
А.К. Новопольцева

Из книги М.Азадовского:
Основной жанр Новопольцева, где с наибольшей силой проявляется его мастерство – новеллистически бытовой, в плане которого он передает и волшебную сказку. Поэтому А. Новопольцева можно считать – как это уже неоднократно высказывалось в литературе - типичным представителем наследия скоморохов

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ САМАРСКОГО КРАЯ.

1.

Ивашка Бѣлая Рубашка, Горькій Нынница.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ былъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суславичъ. Выходилъ князь Володиміръ Красное Солнышко Суславичъ на своей высокой крыльцѣ и вращалъ своимъ громкимъ голосомъ: «Сходитеся, князь и бояре и сильные могучіе богатыри, ко мнѣ на высью на краснѣе крыльцо, и буду я у васъ просить просьбу, и послушайте мнѣ службу, а не службу—дружбу. Кто же бы съѣздилъ на рѣку на Смородину, убавилъ бы мнѣ объ двѣнадцати головахъ, объ двѣнадцати хоботахъ?» Всѣ друзья-бояре сохотились и его приказу боялись, и другъ за дружку пратаились: баринъ за барина, дворянинъ за дворянина, мужьякъ за мужьяка. Выбирался изъ нихъ одинъ Алеша Поповъ сынковъ: жеребичей родни, и говоритъ князю Володиміру: «Я вамъ сослужу службу, а не службу—дружбу; съѣзжу на рѣку на Смородину, убавлю мнѣ о двѣнадцати головахъ, о двѣнадцати хоботахъ». И выходитъ впередъ, подходитъ къ князю вдалѣ и говоритъ: «Князь Володиміръ, пожалуйте мнѣ воды: у меня съ похилымъ головошва болитъ!» Приказалъ князь дать ему воды зелена вина полъ-ведра. Онъ же, Алешенька Поповъ сынковъ, ее одной рукой принималъ и однимъ духомъ выпивалъ. Говоритъ Алеша Поповъ сынковъ: «Отъ князя Володиміра Красное Солнышко, Суславича, хороша бражка да мала чашка. Италъ я, добрый молодець, только опохилѣлся!» И сталъ просить Алеша Поповъ сынковъ у князя на недѣлю сроку приникать себѣ еще двохъ товарищей. Князь отбичалъ ему: «Алеша поповъ сынковъ, вотъ тебѣ сроку на два мѣсяца, только съѣзди!»

Сказки и пред. Сам. края.

1

Сказки А.К. Новополецова

18

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ САМАРСКОГО КРАЯ.

зору!» Молока напилась и кисела напилась—тутъ ее и разорвало. Я тамъ былъ да медъ пиво пилъ; по усу тепло, въ ротъ не пошло. Дали мнѣ снѣ кафтанъ, а мнѣ послышалось: скинь кафтанъ! Скинулъ да на кустыкъ и повѣсилъ и теперь тамъ виситъ. А Ивашка сталъ жить да поживать, да добра наживать, а худо то проживать. Со снѣны то стали горбѣтѣть, а спереди то стали горбѣтѣть.

(Записано со словъ Абрама Новополецова, крестьянина с. Погорельскаго, Самарск. губ. Староос. уезда.)

2.

Иванъ Туртыгинъ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ одномъ было королевствѣ, жилъ былъ царь, и у царя была дочь одна разъяденная. Вили у ней няньки и мамки. Разъ она выпросилась въ садъ погулять съ няньками и мамками; поднался вѣхоръ и увесъ Сѣпетру-царевну. Няньки и мамки закричали, забросались: «Какъ мы царю скажемъ?» Сказали царю; тотъ въ унадокъ пришелъ. «Какъ мнѣ быть? Какъ ее вернуть?» Кликнулъ князь—не отыщеть ли кто. Приѣхали короли изъ иной земли—никого не можетъ. Собралъ царь простонародье—не можетъ ли кто отыскать? Тотъ говоритъ: «Не могу». Другой: «Не могу. Мы не зна(емъ), гдѣ отыскать». Повали людей стоять мастерской человѣкъ, Иванъ Туртыгинъ, и говоритъ: «Если мнѣ царь половину царства отдастъ, а ее въ жены—я отыщу!» Народъ услышалъ, взяли его, привели къ царю: «Вотъ, ваше царское величество, онъ обѣщается, только бы вы исполнили». Тотъ говоритъ: «Царское слово свое не вымѣню». Иванъ Туртыгинъ и говоритъ: «Все, что мнѣ нужно, чтобы все было готово: былъ бы мнѣ большой корабль, матросы да въ услуженіе мнѣ старого служащаго. У царя все готово. Поплылъ Иванъ Туртыгинъ. Подъѣзжаетъ къ царству, гдѣ тотъ самъ мнѣ Горни чѣкъ живетъ; оставилъ корабль, а самъ пошелъ вѣншій. Подходить къ царству—выстухи скотину пасутъ.

Из книги М.К. Азадовского:

Н. Л. Бродский указал, что у Новополецова даже сохранились некоторые типичные скоморошьи формулы. Такова, напр., концовка: «Нам молодцам по стаканчику пивца». Упоминание о молодцах в устах Новополецова, в едином числе сказывавшего сказку, ясно указывает на застывшую, традиционную прибаутку - формулу скоморохов. Эту унаследованную скоморошью манеру Новополецов развил дальше и перестроил в этом плане почти все сказки, которые он где-либо выслушал. Но переформирование им сказок затронуло, главным образом, формальную сторону. Реалистическая стихия хотя и пробивается кое-где, но ни разу не достигает такой силы и высоты, как у других сказочников, реалистов по преимуществу.

«Я бы былъ, Марьяшка, живъ, будешь и ты жива!» Сѣли на кобылушекъ да и поѣхали.

Прѣзжали въ ея родные братья, спрашиваютъ у баушки: «А дѣ наша сестра?» Баушка и говоритъ: «Иванъ паренчъ увезъ». «Мы его терзали, да видно мало!» Сѣли двѣнадцать братовъ на двѣнадцать пѣшнѣ, сѣли да полетѣли какъ младѣ всѣхъ соколѣ. Стали Ванюшку догонять; Ванюшка сталъ кобылушку подъ голышку хлѣстать. Вотъ кобылушка завяглась, какъ бѣлый лебедь. Пѣгая кобыла—выше, а подъ Васильемъ кобылушка еще выше. Прѣехали къ батюшкѣ, а батюшка былъ старѣхонекъ. Иванъ паренчъ и говоритъ: «Здравствуй, батюшка!» Тотъ обрадовался, Ванюшкѣ на бѣлую грудь бросался, съ Ванюшкой цѣловался. «Охъ да ладно, Ванюшка, что прѣехалъ на свою сторонушку!» Тутъ и сказкѣ конецъ, сказавъ ее молодецъ и намъ молодцамъ по стакачкѣ пивца, за окончанье сказки по рюмочкѣ винца.

(Записано отъ Абрама Новопольцева, въ селѣ Новиковѣ, Самарск. губ. Саратовск. уѣздѣ).

5.

Купецкій сынъ и царева дочь.

Жилъ былъ купецъ. Была онъ двое, мужъ съ женой и между нихъ былъ одинъ сынъ. Померъ купецъ и остался сынъ у него младый. Имѣнья много—дѣвать некуда. Купецкій сынъ възросъ порядочно и говоритъ матери: «Мамынька, не осталось ли послѣ татеньки деньжонокъ?» «Осталось, сыночекъ». «Да ка сотенку, я пойду на базаръ, не куплю ли чего?» Мать дала ему сотню. «На», говорятъ,—«если можешь!» Онъ и пошелъ на базаръ. До базару не дошелъ—тащить мужикъ kota, на посуду бить. «Куди ты kota, дяденька, тащишь?» «На посуду смѣнять». «Продай лучше мнѣ, что возьмешь?» Тотъ нарочно и говоритъ (видитъ что онъ глухой): «Дай сто рублей?» «На!» Положилъ kota въ пазуху и пошелъ домой. Приноситъ матери. «Мамынька, посмотри ка я чего купилъ».

Д.Н.Садовников

Из книги М.К. Азадовского:

Совершенно неподражаемы у Новопольцева неоднократно вводимые им в рассказ кабацкие и трактирные сцены. Здесь как будто сказочник чувствует себя в родной и близкой сфере и недаром он зачертил себя веселым молодцом, любящим «шуточки пошутить». Невольно угадываешь за этим одного из представителей крестьянской богемы, какого-нибудь безземельного крестьянина, скитающегося по разным селам и являющегося желанным гостем шумных «деревенских бесед».

Иванъ царевичъ и Марья краса, черная коса.

Въ нѣкоторомъ было царствѣ, въ нѣкоторомъ было государствѣ, не въ нашемъ было королевствѣ. Это будетъ не сказка, а будетъ присказка; а будетъ сказка завтра послѣ обѣда, поѣвши мягкаго хлѣба, а еще поѣдимъ пирога, да потянемъ бычка за рога. Жилъ былъ царь Иванъ Васильевичъ, у него былъ большой сынъ Василій царевичъ, а второй былъ сынъ Митрій царевичъ; малый сынъ былъ Иванъ царевичъ. Вотъ Василій возрасталъ и въ возрастѣ и задумалъ его царь женить и очень долго невесту не находили. То найдуть невесту—отцу съ матерью хороша, ему не правится; то онъ найдетъ себѣ невесту—отцу съ матерью не кажется. Вотъ идетъ же Василій царевичъ путемъ дорогой, по широкой улицѣ, повстрѣчается ему старуха, толстое ея брюхо, и говоритъ Василью царевичу: «А вотъ я тебѣ, Василій царевичъ, невесту нашла!» А онъ ей и говоритъ: «Гдѣ же ты, баушка, нашла?» «А вотъ у этого генерала дочь, вамъ нужно ее замужъ взять». И сказала старуха, что она б...ь. Приходятъ Василій царевичъ къ своему татенькѣ и говоритъ: «Татенька, я невесту нашелъ, вотъ у такого то генерала дочь». Татенька говоритъ ему, что можно ее замужъ взять. У царя неколи было пиво варить и неколи было вина курить. Пива много наварили и вина накурили, и повели ихъ вѣнчать. Привозать отъ вѣнца, кладуть на ложу. Вотъ на ложу онъ съ ней не дожился, а въ чистѣ поле отъ нея отшатался и теперь тамъ на конѣ ѣдетъ. Хватились отецъ съ матерью, что Василья царевича въ домѣ нѣтъ, и негдѣ его искать.

Иванъ царевичъ и спрашиваетъ своего татеньку: «А что, татенька, это у насъ за жена?» Отвѣчаетъ ему царь: «Это вамъ невестка». «А гдѣ же у ней мужъ?» «Уѣхалъ во чистѣ поле давно, и теперь его нѣтъ». И говоритъ Иванъ царевичъ: «Татенька, благословите, я поѣду братца искать, Василья царевича». «Вотъ тебѣ благословить», сказалъ царь, — «звать ты мнѣ не кормилецъ!» А в о т ъ

ЗАГАДКИ РУССКАГО НАРОДА.

СБОРНИКЪ

ЗАГАДОКЪ, ВОПРОСОВЪ, ПРІТЧЪ И ЗАДАЧЪ.

СОСТАВИТЕЛЬ

Д. Садовниковъ.

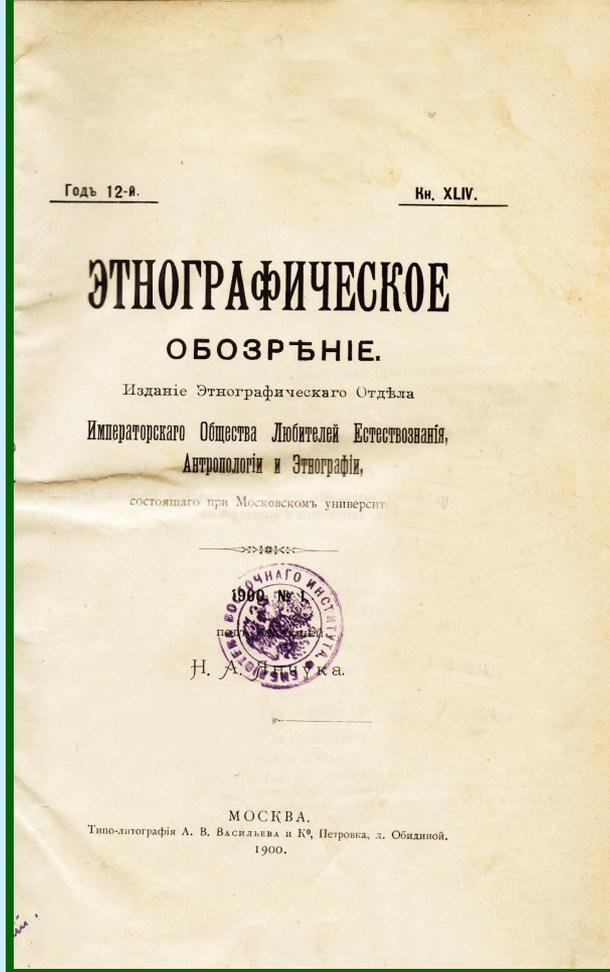
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія И. А. Ланцова, Большой пр., д. № 7.

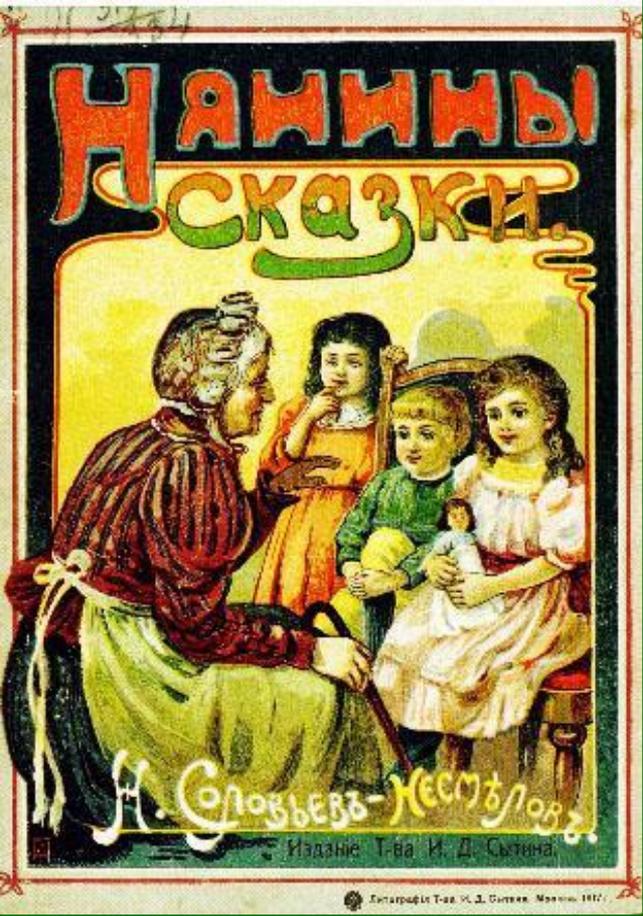
1875.

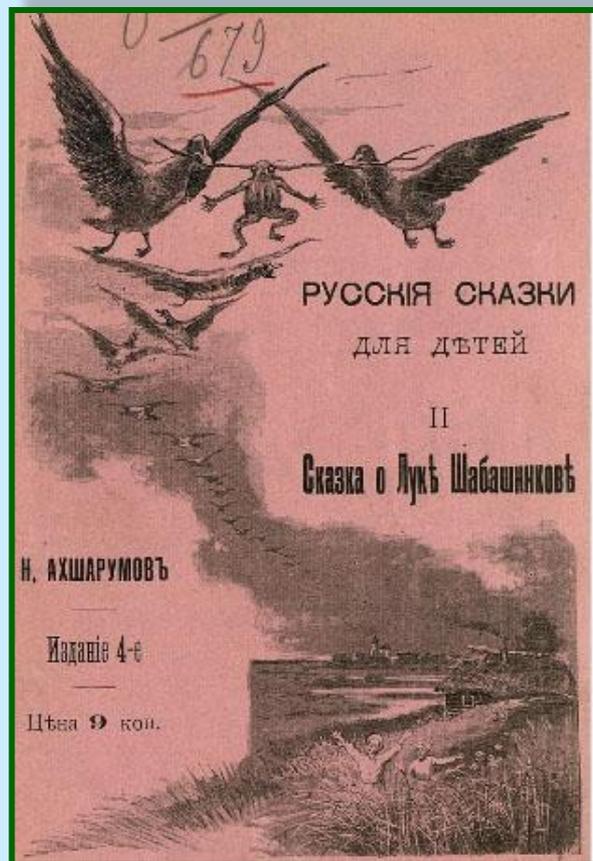
**Н.Л.Бродский-
литературовед**

Бродский Н. Л. «Следы профессиональных сказочников в русской сказке». Этнографическое обозрение, 1904: «Именно этой стороной своего мастерства голь перекатная Новопольцев, пастух конца XIX в., сказочник эпохи капитализма, перекликается с древнерусскими скоморохами, «этими веселыми ребятами, отчаянной голью кабацкой, потешавшей некогда русских людей на разные манеры: и песней, и пляской, фокусами, гаданием и театральным действием»

Дореволюционные
сборники русских
народных сказок

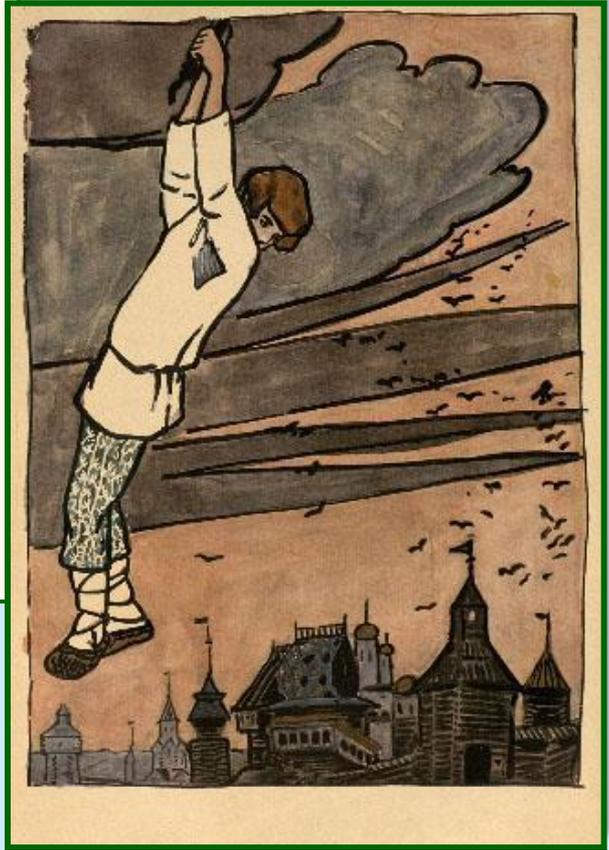
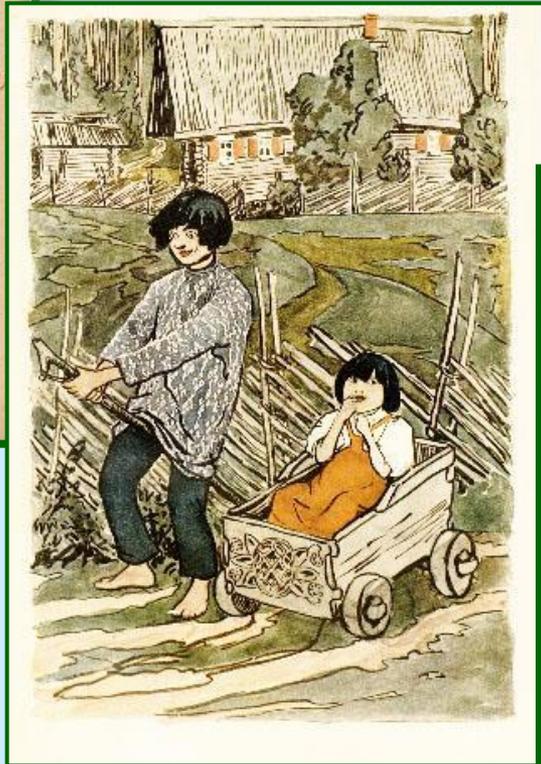
Русскія народныя Сказки и прибаутки.

Дореволюционные сборники русских сказок

Пересказанныя для дѣтей и иллюстрированныя

Ед Польшной.

складъ изданія у і. кневелъ
москва.

ДѢТСКІЯ

КАЗКИ.

ТАВОУКАЗАНІЕ

В. П. АВЕНАРИУСЪ.

СЪ 65-Ю РИСУНКАМИ Н. Н. ПАРАЗИНА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТЕОФРАСТЪ С. ДОНРОУКОВА, ТРОИЦКІЙ ПЕРЕКЪ, К. № 31.
1865.

III.

Муравей-богатырь и
Соловей-разбойникъ.

— Ужь вѣдь и преддѣль на завлеченъ... — говорила, разсказывавшая, мать-муравышка. — Поеть глотаю духъ какой чудной.

— Труду въ холста располовила: охота.

— Что ты, одиночка, будто не веселъ! — спросила муравышка.

— Мало весели! — со вздохомъ отвѣчалъ онъ: — сколько ты-

роду-то дорожь погиблю! Вѣдь, по всѣхъ нѣтъ располо-

дился война, затопленная дивеча нѣду, похлонуто вознилась въ рыхлую почву. Все-гдѣ лишь слыши еще вѣселятъ дули. Но среди поваленныхъ холмовъ хлѣба чернѣлись бездиханная глѣта похонушки жнецовъ. Далеко не вѣхъ, стало бѣсъ, удалась сплести ему, Грызуны!

— Она бѣда! — захныла муравышка. — незолыщны! Ихъ всегда убить можно.

— Да, вѣдь, они дѣи вѣсь-то, катеника, трудилны! — отвѣщивала Грызуны.

— А хлѣбъ, нѣбось, и жалко слышь? Ты—вѣдь, съкъ хой: ты жалены вѣселятъ, съкъ сердце! Чантраже, калестъ

Сборник русских сказок Б.П. Авенариуса